
В КОЛЬЦЕ ЛЮДОЕДОВ
Аскар Кабышев

Аскар Кабышев

В кольце людоедов

https://litres.ru/75008552
SelfPub; 2026

Аннотация

Заблудившись между реальностью и иллюзией, он все же нашел выход из этой ситуации.

Аскар Кабышев
В кольце людоедов

Дело шло к сессии, и он уже больше недели по несколько часов в день просиживал в библиотеке, заучивая чуть ли не наизусть сложные и непонятные вещи. А непонятного в этой химии было более чем достаточно. Чего стоила только лишь одна волновая функция Шредингера. А переходы электронов с орбитали на орбиталь со своими вращающимися спинами вообще могли свести с ума! Он уходил из этого хранилища знаний лишь тогда, когда подкатывала тошнота и хотелось порвать зубами очередной учебник. Временами ему казалось, что голова распухла и вот-вот взорвется. Он надеялся, что все же кое-что в ней останется и даст ему шанс одолеть первые в жизни студенческие экзамены. Все говорили – если пройдешь их, дальше будет легче, останешься студентом и дойдешь до диплома. Хотелось ему доказать себе и другим, что может он пройти любой сложный жизненный этап, включающий и получение этого документа. Но немецкий язык, этот нелюбимый немецкий, оказался самой серьезной преградой на этом тернистом пути. В конечном итоге все худо-бедно складывалось, кроме него – этого сопротивлявшегося еще со школы немецкого языка, - предмета, в конце концов давшему толчок к принятию этого решения.

…Как-то совершенно автоматически, быстро и не заду-

мываясь, как реагирует молодежь на шпильки друзей, он тонко уколол преподавателя – пожилую женщину – в ответ на ее намек на его неспособность к восприятию этого языка. И началось! Тесты и контрольные стали оцениваться преимущественно на «неудовлетворительно». Сломав гордость, он смог бы просочиться сквозь возведенную ею стену, но, по его понятию, это было невозможно. Эта тихая вражда вскоре переросла в тихую ненависть и грозила выйти на всеобщее разбирательство, потому что из-за «неуда» по этому предмету его могли не допустить к сдаче сессии. Но до этого не дошло. Все решила и поставила окончательную точку в его сомнениях телеграмма - странная, непонятная и в то же время понятная. «Голубая звезда погасла Тургусуне. Приезжай срочно. Тара»

Он стоял в прохладном холле студенческого общежития и в который раз перечитывал слова, отпечатанные на узкой желтой бумажной ленточке и вклеенные на четвертушку листка. «Что я тут делаю? Какое к черту стекло? – наконец сказал он себе, вспомнив тусклый свет лекционной аудитории и усыпляющий монотонный голос очередного профессора, - и как я мог на такое решиться? И впереди еще пять лет этой мути! Химик, спец по выплавке стекла и каких-то ситаллов…, да я никогда им не стану! Да мне это и нафиг не надо!».

История его появления в этом сибирском городе была похожа на нередко встречающиеся в семьях, где младшие по

своей или родительской воле выходят на просторы жизни по проторенным старшими дорожкам: его старший брат, два года назад уехавший из родного города в один из известных по всему Союзу институтов, стал семейной гордостью и своего рода первооткрывателем «новых земель». Мало кто, а может быть и вообще никто из их родни, уезжал из родного города учиться или работать в чужие края. Все были из категории «где родился, там и пригодился». Нарушивший же эту поговорку брат в настоящее время был вполне доволен своей жизнью студента со всеми сопутствующими дополнительными радостями молодости. Наверное, его россказни о самостоятельной жизни и протоптанная дорожка послужили главным стимулом для принятия им этого, как он сейчас понял, неправильного решения – тоже поехать в Сибирь.

Старший, наверное, был сильно удивлен, когда из пришедшего от братишки письма узнал, что тот будет поступать в его институт. Эта новость смутила его по двум причинам: во-первых, он уже привык к безответственности, точнее, к тому, что уже два года отвечал только за себя, а тут вроде как опять надо будет опекать братишку; во-вторых – внезапный выбор младшего, с детства грезившего автомобилями и, как он помнил, собиравшегося на отделение автомобилистов или каких-то строительных машин в местном ВУЗе.

Брату, пытавшемуся как-то изменить его решение о демарше из Томска, он четко и честно сказал:

— Это не мое. Пять лет напрягать голову, пытаясь вбить в нее не вбиваемое! И я скучаю по дому, я - не ты. Не бери на себя ничего – ты не имеешь никакого отношения к моему решению. Я точно бросаю учебу. И у меня там есть одно нерешенное дело. Помнишь про мой поход на Тургусун? После школы. Где девушка взрослая пропала, я вроде тебе рассказывал. Да там весь город был в курсе. По-моему, она нашлась! Я познакомился с ней в Алтайской бухте. Ну не я один, а вся наша группа любителей-пешеходов. Это же после твоих сказок о героических походах решили и мы с Бэконом сходить туда, в горы. Резко взяли путевки и чухнули на эту турбазу. Для прикола решили не показывать вида, что мы братья.

- Ну и что дальше?

…Был жаркий июль, когда они поехали на эту туристическую базу с красивым названием «Алтайская бухта», расположенного на берегу огромного водохранилища. Это было не совсем типичное решение, потому что после выпускных экзаменов большинство недавних школьников, имевших цель поступить в ВУЗ, после короткого отдыха отправлялись на подготовительные курсы, где получали дополнительные сведения и знания, могущие пригодиться при сдаче вступительных экзаменов. Бытовало твердое убеждение, что слушатели этих платных курсов имеют преимущества перед не слушателями при зачислении. Однако они с Бэконом, как назы-

вали на улице двоюродного брата, относились к числу безответственных разгильдяев, решивших в последний момент «восполнить пробел в познании родного края», не заморачиваясь на этих курсах. Про «Алтайскую бухту» он знал от своего старшего брата, который бывал в ней не раз и, можно сказать, навязал его сознанию интерес к походной жизни, наполненной чудесами природы и причудами людей, особенно убежавших от родителей девчонок. И еще это был последний вагон уходящего поезда, потому что считалось, что эта турбаза является местом отдыха и развлечения учеников 7-10 классов, и люди старше школьного возраста выглядели там как инородные тела - своего рода недоросли и чудики.

«Я всю ночь не сплю, а в окна мои ломится
Ветер северный, умеренный до сильного»

Эта песня, ежедневно два раз передаваемая из обшарпанной большой колонки, установленной под навесом на танцплощадке, будоражила воображение и призывала к чему-то новому, неизведанному - особенно по утрам, когда он просыпался в незнакомой комнате, в казенной кровати с шершавым одеялом и жесткой подушкой. Лето, яркий солнечный день в раскрытом окне, прозрачная утренняя гладь воды, катамараны и лодки, смех и крики молодежи наполняли и без того прекрасную жизнь новыми красками и предчувствиями.

В полдень следующего дня сформированная неизвестно

по какому принципу группа будущих туристов получила на складе снаряжение для недельного похода в горы. Они с двоюродным братом, ровесником и товарищем по районной жизни, к своей радости, оказались вместе. В этой группе было двенадцать человек и парочка инструкторов подозрительного вида: мощная тетка в выцветшем трико с закатанными до колен штанинами, постоянно носящая темные очки и потому неопределенного возраста и моложавый бородатый мужик в настоящих вибрамах и штормовке, изображавший бывалого альпиниста и, похоже, ее скрытый сожитель. Семь девушек и пятерка парней, среди которых выделялись двое – Алексей и Тара. Алексей - длинноволосый и красиво небритый, со слегка выдвинутой вперед квадратной челюстью парень двадцати одного года. Молчаливый, прошедший службу в армии, он казался братьям умудренным жизненным опытом человеком, повидавшем и испробовавшим много чего на этом свете. К тому же Алексей притащил на последний утренний сбор перед выходом в горы семиструнную гитару, чем вызвал всеобщее удивление и восхищение. Тара тоже тянула на двадцать – двадцать два, и было в ней что-то неуловимо неправильное, но не отталкивающее, а напротив, притягивающее – она была стройна, речь нормальная, словом, не к чему придраться ни в поведении, ни во внешности. Может, она бросалась в глаза тем же, чем и Алексей - выглядела взрослее и не подходила под категорию девочки. На правой ее руке белел свежий бинт. Видимо,

чувствуя себя из-за возраста не в своей компании, они сразу больше стали общаться между собой, с легкой снисходительностью разговаривая с прочими.

- Ну что, все получили провизию и спальники? – мужской голос инструкторши сразу привлек общее внимание.

- Давайте теперь все переложим как положено, - продолжала инструкторша, неизвестно на кого из них смотревшая через черные стекла. – Каждая туристка, повторяю – туристка! - убирает в общую кучу половину всех консервных банок, хлеба, крупы и всего прочего – все, кроме личной одежды и белья. Хы-хы. Спальные мешки тоже оставляем себе, если не хотите спать с кем-нибудь в чужом. Хы-хы. Но это запрещено!

Все, что скинули в кучу девчата, было разделено бородатым альпинистом между парнями и их рюкзаки стали гораздо тяжелее. «Доверили» им также нелегкие брезентовые палатки. Алексею, или Лехе, как он снисходительно разрешил себя назвать только братьям, достался еще в придачу к собственной гитаре большой топор, котел и бутылки с маслом. Оставшиеся предметы общего пользования взяли на себя инструкторы.

Через два часа белый теплоход на подводных крыльях замедлил ход и плавно опустился в зеленую воду недалеко от дебаркадера. После серии глубоких коротких гудков он красиво пришвартовался к этому похожему на баржу плавучему сооружению, примотался канатами к кнехту и выдвинул

деревянный трап.

Первой шагнула на этот пружинящий под ногами настил инструкторша, за ней, стараясь удерживать равновесие, потянулась повизгивающая девчачьими голосами цепочка новоявленных туристов. Замыкал ее инструктор. Через полчаса теплоход высадил группу и часть других пассажиров на другой стороне залива, у безлюдного подножия заросших лесом гор, откуда начинался их маршрут вдоль бурной горной речки с красивым и таинственным названием Тургусун.

Еще через полчаса веселый шум молодежи под весом рюкзаков сменился тяжелым дыханием и кряхтеньем. Иногда слышались сдавленные маты. Слегка наклонившиеся вначале юные тела вскоре стали согбенными почти наполовину. Как сказали бы бывалые туристы, шли буквой «гэ». Взгляды идущих уже не шарили бодро по сторонам, а упирались в дорогу и пятки шедшего впереди. Вскоре был объявлен первый привал, на котором инструкторы кому перетянули лямки рюкзаков, кому правильно переложили их содержимое, забрали еще несколько банок у девчонок и всучили их Лехе и братьям, как самым крепким и старшим.

Привал закончился. Медленно, с перерывами, группа продолжила движение по набитой под горой тропе, тянущейся неровной линией где сквозь деревья, где по краю обрыва у грохочущей речки. Гитару теперь таскали по очереди трое: он и братья. Прочие были просто моложе их и явно слабее.

Первая ночевка не обошлась без споров и претензий, воз-

никших при распределении мест в палатках. Однако уставшие с непривычки туристы вскоре угомонились и легли спать, без долгих разговоров залезши в спальные мешки. Ночь в начинающихся горах была прохладной и стало понятно, что не напрасно среди жаркого лета они тащили на себе эти толстые геологические матрасы.

Утром был дождь, сильный и короткий, как бы предупреждающий – «а я есть, не забывайте». В течение дня солнце еще три раз закрывалось тучами, проливающими такие же обрывки дождя. То ярко-зеленая, то свинцово-серая страшно холодная вода реки не умолкая шумела и бурлила, иной раз полностью заглушая голоса идущих.

К вечеру второго дня отряд уже двигался более красиво – почти все приноровились к своим рюкзакам, правильно ставили ноги и стали более похожи на идущих в серьезный поход. Не получалось только у Тары – той разбитной, не школьного вида, удивительно пропорциональной темноволосой и взрослой девушки с чуть большеватым ртом, ничуть не портившим, а, скорее, придававшим нечто особенное ее лицу.

- Я больше не могу, дайте посидеть. - Она, не слушая инструкторшу, садилась на какой-нибудь камень или прямо на землю. И, наверняка, не только они с Лехой хотели бы оказаться вместо того камня, ствола поваленного дерева или просто земли.

У нее и так разобрали почти весь рюкзак, оставив только спальный мешок, одежду и банку сгущенного молока. Все

прочее перекочевало за плечи парней, которые кто украдкой, кто откровенно рассматривали уже второй день ее стройную фигуру и норовили занять в строю место позади нее. И не возмущались ее частыми остановками. Женская часть, чувствуя это избирательное мужское внимание, возмущалась ее поведением. Слушая их недовольные или ироничные замечания в ее адрес, можно было подумать, что девчата не устают и им чуть ли не нравится идти без навязанных Тарой остановок.

Как бы там не было – пришло время остановиться на ночевку. Вторая ночь была уже вдали от людских поселений, выше в горах, но все так же близко к почти взбесившейся реке. Все уже перезнакомились и даже обозначились какие-то внутренние группировки.

После ужина, не ломаясь, Алексей взял гитару и «продал», как он сказал молодежи, несколько песен, наполненных романтикой, как обычной, так и блатной. Особенно привела всех в восторг никем ранее не слышанная «Девушка из Нагасаки»:

«У ней такая маленькая грудь,
У ней татуированные знаки.
Уходит капитан в далекий путь
И любит девушку из Нагасаки»

Бэкон тоже неплохо играл на гитаре, но шестиструнной, и когда Алексею надоело развлекать подростков, преобладающих в группе, он перестроил свою гитару под шестиструнку

и передал ее братьям, которые вдвоем тоже неплохо спели некоторое количество дворовых и общеизвестных песен. В общем, второй вечер был уже с шутками, музыкой и песнями.

Немного позже, сидя на скатанных спальных мешках вокруг костра, молодежь перебрасывалась словами и приколами, когда вдруг что-то или кто-то коротко свистнул за палатками, из темноты высоких елей. На людей, забывших или не знающих про надуманные или действительно существующие опасности гор и тайги, это произвело какое-то внутренне отрезвление. Все затихли и инстинктивно повернули головы к палатке, где находились инструкторы и откуда через ее стенки пробивался свет. Оттуда шло спокойствие и тишина.

Сделав вид, что ничего особенного в этом звуке нет или его вообще не было, новоявленные туристы продолжили разговоры, которые приняли уже определенно одно направление – таинственные и страшные случаи. И с каждым рассказом истории становились все загадочней и жутче. Черное небо с яркими звездами, шум горной реки и деревьев, черные силуэты гор и непроглядная темнота за костром добавляли остроты каждому рассказу.

- А что вы все приткнулись? Боитесь темноты и этих баек? – чей-то девичий голос вернул молодежь в реальность.

Парни засуетились, выражая свое бесстрашие - кто закурил, кто встал и поднес сухих веток для костра; девчонки

тоже как бы нехотя зашевелились.

Когда заговорили про Черного альпиниста, он заметил, что круг, которым они сидели вокруг костра, заметно сузился: под воздействием жутких историй все, не замечая этого, придвигались на своих сидушках ближе и ближе друг к другу.

- Эй, молодежь! Отбой! По палаткам, и без всяких шашней там! – зычный голос инструкторши, видимо, высунувшей голову из палатки, заставил многих вздрогнуть. – Завтра ранний подъем! Итак отстаем от графика из-за кое-кого женского рода!

Кое-кем была Тара, которая явно впала в немилость кричащей из палатки, даже не пытавшейся это скрыть.

… Он проснулся от того, что кто-то слегка подергивал его спальный мешок. Еще не понимая, что его разбудило, он открыл глаза и сел, вглядываясь в сторону своих ног. Холодок волной прокатился от спины до макушки, когда он в еле просматриваемой тьме увидел освещенную через щель луной белую руку, трясущую его походную постель. Внезапно полог палатки начал раздвигаться и в образовавшемся треугольнике показалась голова.

- Тихо, не шуми, это я, Тара, - девичий шепот сбил его с толка, но окончательно разбудил. – Можешь выйти сюда?

Не веря собственным ушам, но уже прогнавший чувство недавнего испуга, он быстро вылез из мешка, натянул штаны и рубашку, лежавшие в изголовье, и, стараясь не задеть

спящего посередине брата, как бы на карачках, но наоборот, спиной к земле, полез в раскрытую брешь палатки.

- Тихо ты! – ее голос взволновал его и заставил сердце биться в другом режиме.

Было довольно прохладно, но не так уж холодно, а может, он просто уже не реагировал на окружающую температуру. Сев на землю, он быстро вытащил из-под днища палатки свои кеды, натянул их на ноги и встал. Она, слегка отсвечивая на голове лунным серебром, молча стояла рядом.

«Неужели? Почему меня?» - неправильные мысли запрыгали в его взволнованной голове.

Она придвинулась к нему так близко, что он почувствовал волну шедшего от нее тепла. Взяв его за плечо, она привстала на цыпочки, и, чуть не задевая губами его уши, прошептала:

- Проводи меня, я боюсь. В туалет хочу…

И как бы отвечая на его незаданный вопрос, добавила:

- Девчата ненавидят меня и не пойдут со мной, я даже не стала никого просить. Туда.

Они осторожно двинулись в противоположную от реки сторону. Внезапно она остановилась, вскинула голову и быстро проговорила:

- Смотри, смотри! Туда! Звезда голубая падает! Быстрей желание загадывай!

Конечно, он не успел увидеть эту голубую звезду, тем более загадать желание. Просто резко остановился и задрал вверх голову. На темном небе сверкали миллиарды звезд,

свет которых не могла перебить даже яркая и четкая Луна.

Она взяла его за руку своей необычно теплой, почти горячей ладонью и потянула к темнеющему за палаткой лесу. Сумбурные мысли и воображаемые картины затмили в его голове врожденные страхи человека перед тьмой ночи. Они прошли метров пятнадцать-двадцать от лагеря и остановились возле куста, темнеющего среди еле различимых глазом стволов деревьев.

- Стой здесь, за этим кустом и не смотри, я сейчас, быстро, только ты не уходи, - торопливо проговорила она и, осторожно обойдя куст, скрылась в тьме деревьев.

Ее не было уже минут десять и он начал волноваться, потом заподозрил злую шутку. Он уже набрался храбрости идти на ее поиски, когда до его слуха донесся отдаленный гул, усиливающийся с каждой секундой и приближающийся с нижнего течения реки вдоль темной стены круто уходящих верх гор. Казалось, в его сторону движется огромное существо, с шумом продираясь сквозь деревья. Пришел и врожденный древний страх перед темными силами природы. Внезапно резко подул сильный ветер, деревья качнулись, с треском ломая сухие ветки и сыпя сверху высохшей хвоей и листьями. Стоявший перед ним куст под напором потока воздуха сильно склонился влево и на какой-то миг между ним и качающимися ветвями дерева обнажилась небольшая прореха, через которую он успел увидеть в лунном освещении, впереди, небольшое открытое пространство и также накло-

нившийся кустарник на его противоположной стороне. Листья его вытянулись в одном направлении, из бесформенной сплошной темной массы на миг образовав подобие мелкой едва просвечиваемой сетки, через которую его глаза успели заметить пару более темных силуэтов, почему-то не склонившихся под давлением ветра. Анализ увиденного, мгновенно и непроизвольно произведенный напряженным мозгом, сразу выдал ему несколько возможных версий происхождения этих теней: стволы сломанных деревьев, вставшие на задние лапы медведи или люди. Все они – и оголенный ствол, и медведь, и человек были способны устоять на этом ветру, не согнувшись, как это произошло с кустами и молодыми деревцами. Ветер также резко закончился, скрыв за сомкнувшейся листвой эти непонятые предметы, которые, следуя продолжающемуся в голове анализу, вряд ли могли оказаться обрубками деревьев из-за своей неровной формы и высоты: вряд ли кто-нибудь стал бы спиливать стволы ели или или сосны на уровне человеческого роста. Также то, что вряд ли сразу два медведя встанут на лапы и замрут, просто глядя сквозь кусты. Значит, это были… Все тот же разбуженный ночным ветром страх сковал его ноги и почти остановил дыхание.

Она все не появлялась, и он, с трудом преодолевая сопротивление закостеневших мышц, тем же путем, как и она, но очень медленно, отклоняя в сторону ветви, обошел свой куст и, как зомби, пройдя меж ним и колющимися хвоинками,

вышел на эту проплешину.

Волосы встали у него на голове дыбом, когда он увидел ее лежащей вверх лицом на земле, на открывшейся полянке. Яркие звезды в небе, полная луна, вернувшееся безмолвие на фоне глухого и однотонного рева реки за спиной, странные тени за кустом и неподвижное светлое тело в невысокой траве. Внезапно ему показалось, что она слегка дернула головой в его сторону. В жизни он ничего не ощущал и не видел страшнее. Уже никакая воля не могла заставить его подойти к ней – ужас затмил рассудок и командовал его телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.